

*И. В. Кувалдина
(Киров)*

Итальянский период творчества А. В. Исупова

Алексей Владимирович Исупов — русский художник, живописец-реалист, автор пейзажей, портретов, натюрмортов, жанровых композиций — родился в Вятке в 1889 г., умер в Риме в 1957 г. Тридцатилетний итальянский период оказался наиболее длительным и плодотворным в его творческой биографии. До настоящего времени серьезные научные исследования итальянского, как, впрочем, и российского, периода творчества Исупова не проводились. На родине и в Италии издавались каталоги к его выставкам. Так, в конце 1920-х гг. вышел в свет иллюстрированный каталог выставки Исупова в Риме, составленный Микеле Бианкале, и в 1949 г. в Милане — единственная иллюстрированная монография о художнике, написанная Джорджо Никодеми.

Имя Исупова сегодня известно в разных странах и в первую очередь в России, Италии и Узбекистане, где еще до революции художник служил в армии, а в первые послереволюционные годы преподавал в Ташкентской краевой художественной школе и работал в составе археологической экспедиции в Самарканде. При жизни персональные выставки художника экспонировались в Италии, а после его смерти — в Советском Союзе. Выставки сопровождались каталогами со вступительными статьями. Эти издания и отклики на выставки в газетах и журналах, некоторые мемуары, а также биографический очерк в словаре О. Л. Лейкинда, Д. Я. Северюхина и К. В. Махрова «Художники Русского зарубежья» — вот, пожалуй, и вся имеющаяся на сегодняшний день литература о Исупове¹.

---

¹ Весной 2008 г., в период подготовки к изданию настоящего сборника, в Кирове вышел в свет художественный альбом И. А. Любимовой «Алексей Исупов».

Однако существует значительный корпус документальных материалов, которые содержат важную информацию о творчестве Исупова и его художественном наследии. Они главным образом и положены в основу настоящей статьи. Речь идет о документах — письмах, воспоминаниях, газетных вырезках, перечнях произведений, фотографиях и т. д., которые хранятся в Отделе рукописей Государственной Третьяковской галереи, в Российском государственном архиве литературы и искусства и в Государственном архиве Кировской области. Что касается художественного наследия Исупова, то оно «рассеяно» по всему миру: большая часть произведений находится в Италии и России. Автопортрет художника с женой — в зале автопортретов галереи Уффици во Флоренции, живописные полотна и графические листы — в Третьяковской галерее, в Ярославском и Дальневосточном художественных музеях, но больше всего — свыше трехсот произведений живописи и графики — в Кировском художественном музее имени В. М. и А. М. Васнецовых.

В Кировский музей работы поступили, вероятно, по воле самого художника. Выбор музея был обусловлен тем, что город Вятка, в 1934 г. переименованный в Киров, был его родиной. При участии Исупова там был создан Вятский художественно-исторический музей, открытый в декабре 1910 г. Исупов, в то время студент Московского училища живописи, ваяния и зодчества, был автором первой музейной экспозиции и одним из первых дарителей музея: в 1912 г. он преподнес ему свою картину «Северный край».

В Италии Исупов оказался в 1926 г. в возрасте тридцати семи лет, уже сложившимся художником. По официальной версии, это была командировка — заказ ВЦСПС на создание картины «Парад Первого профсоюзного праздника физкультуры»². Однако картина к моменту отъезда «в большей своей части» уже была написана, и требовалось лишь ее завершить. Истинной причиной отъезда Исупова в Италию была его неизлечимая болезнь — костный туберкулез. Несмотря на две перенесенные операции по удалению опухоли с предплечий (их провел известный московский хирург Петр Постников) и последующую реабилитацию на грязевом курорте в Елецке Оренбургской области, болезнь прогрессировала. Постников настоятельно рекомендовал Исупову продолжить лечение в стране с мягким морским климатом, он же помог получить разрешение на выезд. Таким образом, вспоминал впоследствии писатель А. Н. Флейшер, «к весне 1926 года поездом, отходившим в направлении Ленинград — Рига — Берлин, Исуповы уехали в Италию»³.

---

² ОР ГТГ. Ф. 128. Ед. хр. 158. Л. 4.

³ Флейшер А. Н. Алексей Владимирович Исупов. Воспоминания // РГАЛИ. Ф. 2598. Оп. 1. Ед. хр. 26. Л. 110.

Алексей Владимирович вместе с женой Тamarой Николаевной обосновался в Риме, в доме 51 по бульвару Цезаря. Квартира соединялась с довольно удобной мастерской. По словам Флейшера, на первом этаже была студия, чуть ниже — две жилые комнаты. «Студия Алексея Владимировича была просторная, высокая, квадратная, метров по 8 с каждой стороны. Единственное неширокое окно на правой стороне выходило на причудливый кружной балкончик <...>. Весь свет падал с потолка, который был огромным стеклянным конусным куполом, через него вся студия освещалась всем небом над домом. В студии было много мебели, разной по стилю <...> простой большой стол, на котором стояли пузырьки и бутылочки, лежали коробки и тюбики красок, палитры, в разных местах стояли мольберты. Студия была полна картин»⁴.

В этой квартире у Исуповых бывали многие соотечественники, приезжавшие в Рим. Нередко Алексей Владимирович откликался на их просьбы. Братьям Кориным, например, он помог получить доступ в закрытые фонды Ватикана. Из письма Тamarы Николаевны московскому искусствоведу Москвинову известно, что она и Алексей Владимирович «часто проводили время с дочерью Толстого» и что дважды к ним приходил Давид Бурлюк, а когда открылась выставка Исупова в Неаполе, ее ежедневно посещал Максим Горький⁵. Весной 1927 г. Исуповы принимали у себя скульптора С. Т. Коненкова. Вот как вспоминал об этом сам Сергей Тимофеевич: «По адресу, записанному „на всякий случай“ при прощании с Горьким в Сорренто, нашли Алексея Исупова — одаренного живописца, человека редких душевных качеств. Из-за болезни этот талантливый москвич сидит в Риме. Конечно, не просто сидит. Он много и успешно работает»⁶. Бывали у Исуповых и итальянцы.

Таким образом, спустя год после приезда Исупова в Рим, у него уже была, по словам Коненкова, «невиданная для художника популярность»: к Алексею Владимировичу обращались «не иначе как „маэстро Исупов“».

«Исупов — художник чистой воды», — заключает Коненков и тут же продолжает: «Тонкостью письма, колористическим богатством поразила меня тогда стоявшая на мольберте только что законченная картина Исупова „Обнаженная с виноградом“»⁷.

Коненков восхищался Исуповым, его обширными знаниями, в том числе знаниями искусства Высокого Возрождения, и это действительно так. В письмах на родину Алексей Владимирович сообщал о своих

---

⁴ Там же. Л. 80.

⁵ Об этом см.: *Любимова И.* Архив рассказывает // Кировская правда. 1987. № 280. С. 3. ⁶ *Коненков С. Т.* Мой век // Москва. 1969. № 8. С. 92.

⁷ Там же.

посещениях музеев, о поразивших его шедеврах. Он тщательно изучал образно-стилистическую манеру старых мастеров, фиксировал свои впечатления и оттачивал собственное мастерство. В архиве Третьяковской галереи сохранились черновые записи Исупова 1931 г. — краткие комментарии рядом с выписанными именами и датами жизни художников XVI–XVII вв., сделанные, по-видимому, во время посещения музея. Алексей Владимирович восхищался портретами работы Cornelis- de Vos, построением фигур в картинах Varent Fabritius, изображением фруктов в золотой чаше в картине A. van Beijeren; он считал «великим» С. P. Berchem и разочарованно отзывался о картине Cornelis von de Schlache: «черно, неважно»⁸. В Венецианской галерее старых мастеров, по признанию самого Исупова, его особенно интересовали полотна Тинторетто, Тициана и Тьеполо⁹.

Приехав в Италию, Алексей Владимирович целиком погрузился в художественную жизнь: посещал музеи, выставки, много писал красками, рисовал. В мае 1926 г., побывав на Венецианском бьеннале, художник загорелся «устроить в осеннем сезоне» собственную выставку. «Сейчас заканчиваю некоторые начатые картины», — писал он Аполлинарию Васнецову — своему учителю и земляку¹⁰, делаясь с ним своим разочарованием низким качеством картин на Венецианском бьеннале в немецком, бельгийском и чехословацком павильонах, восхищаясь павильоном итальянским, в котором ему особенно «понравился Джованни Сегантини», а в испанском павильоне — работы Соролло.

Первая выставка Исупова в Италии состоялась в римской галерее «Фиама» уже в 1926 г. «Деятельное и горячее участие» в ее проведении, по словам Флейшера, «принял старый друг Исуповых Аугусто Карелли, проживший в России 23 года, снискавший себе славу прекрасного музыканта и выдающегося художника-живописца»¹¹. К выставке художник «подготовил отличный каталог»¹², который, к сожалению, нам пока неизвестен.

Уже после первой итальянской выставки Исупова признали и критики, и известные итальянские художники — Джорджио Никодemi, Микеле Бианкале, Гарцолини Иролли, Ди Санти и др. Исупов портретировал некоторых из них, например, известны портреты Гарцолини работы

---

⁸ ОР ГТГ. Ф. 128. Ед. хр. 5. Л. 1.

⁹ Об этом см. письмо А. В. Исупова А. М. Васнецову от 4 сент. 1926 г. // ОР ГТГ. Ф. 11. Оп. 1. Ед. хр. 582. Л. 2.

¹⁰ Там же.

¹¹ Флейшер А. Н. Алексей Владимирович Исупов. Л. 116.

¹² Там же.

Исупова. Итальянский художник Антонио Манчини отмечал, что «творчество Алессио Исупова — это искусство живописца, который знает всю радость и мощь цвета». По словам Манчини, критика обращала внимание на искренность и выразительность картин Исупова, их особый колорит, а публика находила в них «истину и поэзию». Сам же Манчини, по его признанию, на этой выставке «познакомился с новым живым убежденным художником, добрым человеком и мастером», «могучий темперамент» которого «обеспечит ему уверенное будущее»¹³.

Между тем увлеченный творческой работой и подготовкой первой выставки Алексей Владимирович совсем запустил болезнь. Из-за выставки он отказался от операции и серьезного лечения. В письме Васнецову от 4 сентября 1926 г. художник признавался: «...в общем, у меня с рукой обстоит дело неблагоприятно — запускаю все больше и больше, а лечить или операцию делать, требуется большая сумма, что я не могу себе позволить ради устройства моей выставки. Если бы сделать операцию, то, мне сказали: потребуется 2 месяца лечения, тогда меня совершенно зарежет»¹⁴.

Внимание публики, критики и коллег-художников к творчеству Исупова завоевывалось не только талантом, но и огромным трудом Алексея Владимировича. Он писал: «Работаю как вол. И сейчас такой большой интерес к живописи, что я поглощен всецело в свою палитру. Здоровье моих рук шесть-семь месяцев было неважно, теперь лучше. Все это благодаря постоянному теплему климату»¹⁵.

Именно климат «держал» Исупова в Италии, продлевая его жизнь, но художника постоянно тянуло на родину. Это видно по его пейзажам «Вечернее небо» (1927), «Пасмурный день» (1929), «Туманный день» (1930), «Осенний пейзаж» (1930), «Белые тучи» (1932), «Снегопад» (1934), «Серый день» (1938), «Порт на Волге» (1935), по сюжетным композициям, включающим образы русской деревни и его любимых лошадей: «Пашня» (1930), «Кони на пастбище» (1930), «В деревне» (1946) и т. д.

Работал художник в разных жанрах, в том числе в натюрморте. Один из самых интересных в живописном отношении — «Натюрморт с виноградом» — был выставлен на торгах аукциона Sotheby's 17 апреля 2007 г. Довольно много произведений Исупов создавал по воспоминаниям.

А. С. Курская, жена полпреда СССР, работавшего в Италии с 1928 по 1932 г., вспоминала, что как-то в Риме «собрались советские художники: Исупов, Гаврилов, Богородский, Ряжский и недавно приехавший из Америки скульптор Коненков. Художники размечтались о Родине, о том, что

---

¹³ Там же. Л. 117.

¹⁴ Письмо А. В. Исупова А. М. Васнецову... Л. 1.

¹⁵ Цит. по: Любимова И. Архив рассказывает.

они покажут в Москве . Один только Исупов сидел мрачный. Он вынужден был из-за костного туберкулеза жить постоянно в Италии»¹⁶.

Отметим, что общался художник главным образом с советскими гражданами, приезжавшими в Италию. Прожив долгие годы на чужбине, он не был эмигрантом, более того, считал себя исключительно советским гражданином. «Мы с женой собственно к эмиграции и не принадлежим, — пи-сал Алексей Владимирович, — паспорта у нас советские и граждане мы советские. В Италию загнала меня не гражданская война, а болезнь»¹⁷.

Из числа русских эмигрантов, проживавших в Риме, Исуповы мало с кем общались. Исключением были Захаров и Алферов : «Два неразлучных друга. С самого отъезда из России живут неразлучно , как братья. Живут, не нуждаясь, но скромно. Имеют свой магазинчик, берут на комиссию ювелирные и античные вещи, шкуры не дерут, берут по-божески»¹⁸.

В Италии Исупов не входил ни в одну из политических партий, но в годы Второй мировой войны, формально не состоя в итальянском движении Сопротивления, он всячески старался помочь своим соотечественникам, оказывая, в частности, материальную помощь отряду советских партизан. Алексей Владимирович превратил свою мастерскую в конспиративную квартиру. «Его студия находилась прямо против фашистской казармы, но у художника всегда скрывалось три-четыре партизана, о ко-торых Исупов и его жена горячо заботились и с которыми с грустью рас-ставались, когда тем приходило время идти в отряд»¹⁹.

Последнее десятилетие жизни художник работал мало. Состояние здоровья все время ухудшилось, и 17 июля 1957 г. в возрасте 68 лет он скончался.

После смерти Алексея Владимировича его вдова была вынуждена продать часть работ и переехать из римской квартиры в особняк. В 1958 г. она подарила двенадцать произведений, созданных в основном на родине , Государственной Третьяковской галерее²⁰. В сопроводительном письме она писала: «Эти работы моего мужа Исупова много времени украшали наше

---

¹⁶ Курская А. С. Пережитое. М., 1965. С. 243–244.

¹⁷ Там же. Л. 86.

¹⁸ РГАЛИ. Ф. 2598. Оп. 1. Ед. хр. 26. Л. 84.

¹⁹ Смирнов С. С. Собр. соч.: В 3 т. Т. 2. Рассказы о неизвестных героях. М., 1973. С. 253–254.

²⁰ Это гипсовая скульптура «Бюст киргиза», «Автопортрет», портреты «матери художника с племянником», «жены художника», «Марии Ивановой (матери жены художника)», «натурщицы Сангрино», натюрморты «Цветы со скульптурой», «Натюрморт с барашком. Мясо», пейзажи «Старый город Самарканд», «Озеро Таганай (Урал)», две картины темперой — «Фамилия Киргиза» и «Сарт в Самарканде» (из письма Т. Н. Исуповой в ГТГ от 10 сент. 1959 г. // ОР ГТГ. Ф. 128. Оп. 1. Ед. хр. 91. Л. 1).

жилище и были всем известны как в периодической печати, так в книгах монографий, считались собственностью семьи. Произведения Исупова ценились очень высоко, что дало ему возможность лечиться и иметь лучшие лекарства, потому он прожил больше»²¹.

Тамаре Николаевне хотелось вернуть на родину остававшийся у нее архив и произведения художника; этот вопрос стал предметом переписки советского посольства в Италии и Министерства культуры СССР. В Риме побывала группа представителей Академии художеств СССР во главе с президентом В. А. Серовым, проректором Ленинградского института живописи, скульптуры и архитектуры имени И. Е. Репина Н. М. Во-лынским, ученым секретарем Союза художников СССР К. С. Кравченко. Они высоко оценили собрание картин художника. Для определения их ценности в сентябре 1965 г. в Италию приехал А. И. Михайлов — главный эксперт художественно-экспертной коллегии Министерства культуры СССР. Вот строки из его экспертного заключения: «Работая в Италии, Исупов завоевал своими произведениями широкую известность. Его картины имеются в Национальной галерее современного искусства в Риме и галерее Уффици во Флоренции, во многих частных собраниях Рима, Триеста, Генуи, Милана, Неаполя и др., а также в США и во Франции. Стоимость его картин на антикварном рынке доходит до 10–15 млн лир за картину <...>. Исупов был прекрасным рисовальщиком и одаренным колористом»²². Михайлов отметил также, что «сохраненные женой А. В. Исупова произведения убеждают, что он всю жизнь оставался внутренне глубоко связанным со своей родиной, сохранил верность русской реалистической художественной традиции, постоянно возвращался к мотивам и образам, которые были характерны для его творчества в тот период, когда он жил и творил на своей родной почве...»²³.

---

²¹ Там же.

²² РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 9. Ед. хр. 600. Л. 1.

²³ Там же.